

Александр Лавров
С. Заяицкий — корреспондент
Максимилиана Волошина

Персональные статьи о Сергее Сергеевиче Заяицком (1893—1930) отсутствуют в двух новейших энциклопедических изданиях, посвященных русской литературе минувшего века, — биографическом словаре «Русские писатели 20 века» (М., 2000) и биобиблиографическом словаре в трех томах «Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги» (М., 2005). Невнимание к писателю в словарях специализированной тематики тем более удивляет, что статьи о Заяицком имеются в двух советских литературных энциклопедиях общего профиля.¹ Похоже, что Заяицкого решили наконец совсем забыть, как забыли о десятках и сотнях писателей советской эпохи, канувших в Лету вместе с этой эпохой. Между тем этот весьма яркий представитель русской литературы 1920-х годов, которого отнести к клану правоверных советских писателей можно разве что по формальному признаку — по месту проживания, заслуживает самого пристального внимания. Показательно, что в свое время он был замечен и оценен и такими ведущими литературными критиками русского зарубежья, как Ю. Айхенвальд и Г. Адамович, и, с другой стороны, М. Горьким, исполнявшим в пореволюционные годы роль ар-

© Aleksander Lavrov, 2012

<http://www.utoronto.ca/tsq>

¹ См.: Литературная энциклопедия. Т. 4. <М.>, 1930. Стб. 325; Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1964. Стб. 1003 (автор — Л. К. Куванова). Статья о Заяицком имеется и в вышедшем при жизни писателя (в 1928 г.) биобиблиографическом словаре русских писателей XX века под редакцией Б. П. Козьмина «Писатели современной эпохи» (см. новейшее переиздание: М., 1992. С. 132).

битра и ментора по отношению к влившимся в литературу новым творческим силам. Последний упоминал Заяицкого в 1928 г. в ряду нескольких «очень заметных фигур, возбуждающих хорошие надежды»,² а несколько ранее, ознакомившись, в частности, с книгой Заяицкого «Баклажаны» (М.: Крут, 1927), отмечал: «За этот год появилось четверо очень интересных людей: Заяицкий, Платонов, Фадеев, Олеша. Удивительная страна».³

И все-таки окончательного забвения Заяицкого, казалось бы, констатированного двумя вышеупомянутыми словарями, в постсоветскую эпоху не случилось. В 1991 г. в издательстве «Московский рабочий» вышел в свет сборник его избранной художественной прозы «Судьбе загадка» (правда, без каких-либо историко-литературных сведений об авторе, лишь с кратким, но чисто эмоциональным предисловием В. Пьещуха). Помещенный в этом сборнике роман «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова» стал предметом анализа в статье О. Обуховой.⁴ Другой роман Заяицкого, мистифи-

² Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963. С. 19.

³ Письмо к Ф. В. Гладкову от 2 октября 1927 г. // Там же. С. 103. Ср. суждение Горького в письме к И. В. Вольфсону за тот же день: «Удивительное разнообразие типов у нас, и хорошая дерзость. Понравились мне — за этот год — Андрей Платонов, Заяицкий, Фадеев и Олеша» (Архив А. М. Горького, т. X. М. Горький и советская печать. М., 1964. Кн. 1. С. 43). «Заяицкий — интересная фигура, так же как и Андрей Платонов», — писал Горький И. А. Груздеву 19 августа 1927 г., прочитав его повесть «Земля без солнца» (Архив А. М. Горького, т. XI. Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым. М., 1966. С. 137), аналогичная оценка — в письме Горького к А. К. Воронскому от 31 августа 1927 г. (Архив А. М. Горького, т. 10. М. Горький и советская печать. М., 1965. Кн. 2. С. 58). На «Баклажаны» Горький также обращает внимание Д. А. Лутохина в письмах к нему от 21 сентября и 27 ноября 1927 г. (Архив А. М. Горького, т. 14. М. Горький. Неизданная переписка. М., 1976. С. 432, 434), а в письме к П. П. Крючкову от 10 марта 1928 г. просит прислать ему только что вышедший роман Заяицкого «Жизнеописание Лососинова» (Там же. С. 483).

⁴ См.: Обухова О. Интеллигент в мире разрушающейся культуры (С. С. Заяицкий и его роман «Жизнеописание Степана Александровича

каторское пародийное повествование «Красавица с острова Люлю» (<М.>: Круг, 1926), приписанное несуществующему иностранному сочинителю Пьеру Дюмбелю, вошел в орбиту исследования такого своеобразного культурного феномена, как псевдопереводной роман 1920-х гг.,⁵ а осуществленная автором и поставленная в Театре-студии под руководством Р. Н. Симонова в 1928 г. инсценировка этого произведения опубликована по сохранившемуся машинописному тексту вместе с двумя сопроводительными статьями, очерчивающими творческую индивидуальность автора.⁶ Удостоились серьезного внимания и поэтические переводы Заяицкого — опять же в контексте рассмотрения его литературного облика в целом.⁷

С. С. Заяицкий родился 2 октября 1893 г. в семье врача Сергея Спиридоновича Заяицкого. Окончил частную гимназию Л. И. Поливанова (впоследствии женился на внучке основателя гимназии) и поступил на философское отделение историко-филологического факультета Московского университета, которое окончил в 1917 г. Еще до революции он выпустил в свет сборник «Стихотворения» (М., 1914), оставшийся неза-

Лососинова. Трагикомическое сочинение») // «Вторая проза». Русская проза 20-х — 30-х годов XX века / Составители В. Вестстейн, Д. Рицци, Т. В. Цивьян. Trento, 1995. С. 267—276.

⁵ См.: Маликова Мария. Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 109—139.

⁶ См.: Фоминых Т. Н. С. С. Заяицкий. «Красавица с острова Люлю»: пасторальные аспекты романа и его инсценировки; Приложение. Заяицкий С. С. Красавица с острова Люлю. Пьеса / Вступ. статья, подготовка текста, публикация Т. Н. Фоминых // Русская литература 1920-х годов. Художественный текст и историко-культурный контекст: Материалы межвузовской научной конференции памяти Израиля Абрамовича Смирин (1925—1993). Пермь, 2002. С. 94—108, 244—302.

⁷ См.: Луценко Елена. «Зимний путь» Мюллера — Шуберта в личном деле Сергея Заяицкого // Вопросы литературы. 2011. № 4. Июль — август. С. 215—234.

меченным⁸ — не в последнюю очередь благодаря тому, что книга была издана анонимно (в очевидном соответствии с теми намерениями, которые десятилетием ранее формулировал Максимилиан Волошин по отношению к будущей книге собственных стихотворений: «Имени на книге не будет. Только в конце книги, внизу на предпоследней странице надпись, как на плите готического собора: „Эта книга сложена тем-то, издана тем-то, окончена печатанием тогда-то“. И больше ничего»,⁹ — намерениями, впрочем, нереализованными). Активной литературной деятельностью Заяицкий занялся уже в 1920-е гг., параллельно с сотрудничеством в Государственной Академии Художественных Наук (ГАХН) — одном из пристанищ интеллигенции, сформировавшейся в дореволюционные годы. Полноправным участником Заяицкий был и в неформальном кружке московских «писателей-фантазеров» (по определению П. Н. Зайцева), который сложился к середине 1920-х гг. и в который входили также М. А. Булгаков, М. Я. Козырев, Л. М. Леонов, В. И. Мозалевский.¹⁰ «Остроумного и веселого» Заяицкого вспоминает Л. Е. Белозерская-Булгакова,¹¹ а Е. С. Булгакова, лично Заяицкого не знавшая, отмечала, что ее муж «о нем отзывался, как о очень приятном и талантливом человеке».¹² Мажорное мироощущение Заяицкий умел сохранять несмотря на то, что природа его сильно обделила: он был горбат и с детства страдал хроническим костным туберкулезом.

⁸ Фрагмент из «Легенды о венецианском дворце», входящей в сборник, приведен в статье: *Тименчик Роман*. «Folie vénitienne» по-русски в начале XX века // Параболы. *Studies in Russian Modernist Literature and Culture*. In Honor of John E. Malmstad. Frankfurt am Main... Wien: Peter Lang, 2011. С. 51—52.

⁹ Письмо М. А. Волошина к М. В. Сабашниковой (около 29 июля / 11 августа 1904 г.) // ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 107.

¹⁰ См.: *Зайцев П. Н.* Воспоминания. М., 2008. С. 272—276.

¹¹ *Белозерская-Булгакова Л. Е.* Воспоминания. М., 1990. С. 109. См. также: *Чудакова М.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 315.

¹² Запись от 15 декабря 1934 г. // *Дневник Елены Булгаковой*. М., 1990. С. 353. Комментарии Лидии Яновской.

В социально-политических обстоятельствах, которые во многом формировали литературный процесс 1920-х гг. в Советской России, Заяицкий был одним из тех представителей творческой интеллигенции, которые не были ни «попутчиками» — поскольку сохраняли молчаливую убежденность в том, что им не по пути с теми, кто ломал и корежил их жизненные устои, ни внутренними эмигрантами — поскольку не укрывались в катакомбах, не замыкали свои уста, а стремились действовать и реализовывать творческие навыки и способности на авансцене культурной жизни. Идеологически и духовно дистанцируясь по отношению к советскому режиму, они занимали в литературно-общественной среде межеумочное, во многом двусмысленное положение, пытаясь до поры до времени активно функционировать внутри той или иной относительно безопасной и не ущербной для собственной репутации (разумеется, среди «своих») культурной ниши. Определялся целый ряд сфер деятельности, которые можно было уподобить таким «нишам»: исторические, историко-филологические и искусствоведческие штудии (преимущественно на материале «Давнопрошедшего. Plusquamperfectum», как называется одна из частей романа Заяицкого о Лососинове), популярные биографии «замечательных людей», художественный перевод, сочинение авантюрных произведений для детей и юношества и т. д. Две последние упомянутые «ниши» активно обживал Заяицкий. В его переводе было опубликовано небольшое количество книг: «Работа и ритм» К. Бюхера (М., 1923), «Драмы. 1. Род. 2. Площадь» Фрица фон Унру (Пб.; М., 1923), «Тень осла» Людвиг Фульты (М.; Пг., 1923), «Испытание богов» Курта Эйснера (М.; Л., 1924), а также «Мартин Иден» и рассказы Джека Лондона, произведения Беранже и Гёте. Среди этих книг — сборники стихотворных произведений в переводах Заяицкого: «Избранные стихотворения» Фердинанда Фрейлиграта (Харьков, 1924), «Венгерская революционная поэзия» (М.; Л., 1925), «Революционная поэзия на Западе» (М., 1927), «Избранные песни» Пьера Дюпона (М., 1923) — по-

следние две книги подготовлены совместно с Л. Е. Остроумовым. Отбор поэтических имен и проблематика сборников, безусловно, были продиктованы издательскими инстанциями, выполнявшими свой «социальный заказ».

На поприще сочинения книг для подростков Заяицкий также потрудился немало — и в стихах: «Клю и Кля. Повесть для детей» (М.; Л., 1925), «Африканский гость» (М., 1927), — и в драматургии: «Робин Гуд — лесной разбойник» (М., 1925), «Стрелок Телль» (М., 1925; вольное переложение шиллеровского «Вильгельма Телля»), — и в прозе: сборники рассказов «Аист Лелька» (М.; Л., 1927) и «Рассказы старого матроса» (М., 1926), повести «Великий перевал» (М.; Л., 1926), «Морской волчонок» (М., 1926), «Найденная» (М.; Л., 1927), «Шестьдесят братьев» (М.; Л., 1927), «Внук золотого короля» (М.; Л., 1928), «Рука бога Му-га-ша» (М.; Л., 1928), «Вместо матери» (М.; Л., 1928), «Псы господни. Повесть о Джордано Бруно» (М., 1930). В большинстве своем эти произведения отличаются занимательным сюжетом и минимальной «идеологической» нагрузкой, которая сплошь и рядом сходит на нет благодаря изрядной доле авторского юмора, окрашивающего заведомо мало-правдоподобные порой зигзаги повествования.

Заяицкому принадлежат и драматургические опыты на темы современной жизни, предназначенные для постановки в клубном и самодеятельном театре («Жизнь приказывает», 1929; «Простая мудрость», 1930; «Таинственные письма», 1930). «Заказной» характер этих пьес очевиден, как и факт вынужденной компромиссной адаптации профессионального литератора к темам и проблемам, которые диктовал советский официоз. Сюжеты, за которые брался Заяицкий, призваны были соответствовать актуальным лозунгам дня: за здоровый быт, за ликвидацию неграмотности и т. п.; в разработке же их писатель или допускал рискованные перекодировки (согласно генеральной идеологической установке, пролетариат — передовой класс, наделенный всеми возможными добродетелями, однако рабочие, действующие лица пьесы «Жизнь приказыва-

ет», предаются пьянству и разврату и заражают друг друга сифилисом), или решал поставленные задачи в юмористическом и пародийном ключе, превращая проповедь всеобщей грамотности в забавную комедию положений с переодеваниями и разнообразными *qui pro quo* («Таинственные письма»). Аналогичным образом в репликах персонажей самые звучные идеологемы предстают, по меньшей мере, в ироническом освещении: «Как заиграют „Интернационал“, так у меня по спине ровно, извиняюсь, насекомые ползут...»;¹³ «А будут ломиться, скажу, что, мол, изучаю исторический материализм. Не могу оторваться...»; «Я не молодой человек, а комсомолец. Это прежде были молодые люди. Я общественной работой перегружен»¹⁴ — и т. д.

Ироническая оптика применяется Заяицким в его пародиях-стилизациях — в псевдопереводном романе «Красавица с острова Люлю» с его нелепым сюжетом, высмеивающим стереотипы авантюрного «колониального» жанра, в повести «Земля без солнца» с сюжетом не менее нелепым и уже совершенно игровым и условным, представляющим собой своего рода попури с использованием мотивов творчества популярнейших иностранных прозаиков 1920-х гг. — Г. Уэлса, П. Бенуа, Э. Синклера, Э. Берроуза: «виртуозная игра автора с литературой и в литературу», по определению его исследователя.¹⁵ Та же ироническая оптика преобладает и в произведениях на темы русской жизни, представляющих собой наиболее значительную составляющую творческого наследия Заяицкого, — «Жизнеописании Степана Александровича Лососинова», повести «Баклажаны», рассказах. «Рапповская» критикесса Е. Д. Трощенко, разнося в пух и прах роман о Лососинове, негодовала: «Читатель воспринимает трагикомическое сочинение и его героя как пример безответственного отношения

¹³ Заяицкий С. С. Простая мудрость. <М.>, 1930. С. 80.

¹⁴ Заяицкий С. Таинственные письма. <М.>, 1930. С. 48, 52.

¹⁵ Вступительная статья Т. Н. Фоминых // Русская литература 1920-х годов. Художественный текст и историко-культурный подтекст. С. 252.

писателя к своему писательскому делу, как пошлость и профанацию литературы и <...> задает себе в недоумении вопрос: „Зачем писателю понадобилось приплести к описанию ‘холостяцких’ приключений двух идиотов Октябрьскую революцию?“¹⁶ Между тем, сталкивая с катастрофической современной реальностью героя романа, своего рода новоявленного диккенсовского мистера Пиквика, наивного и прекраснородушного, которому по злему умыслу судьбы было уготовано предаваться своим мечтам и прожекткам не в викторианской Англии, а в России в дни мировой войны и революции, Заяицкий на свой лад исполняет иронический реквием русскому идеалисту-интеллигенту. Утопические чаяния, вроде всеобщей «филологизации» народных масс, которыми одержим Лососинов, а заодно и вся система культурных ценностей терпят фиаско перед лицом свершившейся антиутопии. В комическом ключе разворачивается финальный акт драмы главного героя русской литературы XX века — «лишнего человека».¹⁷

Как уже отмечалось выше, Заяицкий, будучи общительным и расположенным к людям человеком, имел в Москве достаточно широкий круг знакомых. Многие из них — его сподвижник по художественному переводу Л. Остроумов, а также М. Булгаков, Габричевские, Шервинские и другие представители того интеллигентского микросоциума, к которому принадлежал Заяицкий, — в середине 1920-х гг. жили летом в доме Максимилиана Волошина и поддерживали с хозяином дома дружеские отношения. 9 февраля 1927 г. Волошин приехал в Москву, остановился в квартире Шервинских. Вероятно, в ближайшие дни после этого состоялось его знакомство с Заяицким: уже вечером 14 февраля зафиксирован визит Во-

¹⁶ На литературном посту. 1928. № 20/21. С. 121.

¹⁷ Эту связь отметил один из рецензентов романа — Г. П. Блок: по его словам, Заяицкий «описывает жизнь ненужного человека, который, обладая материальным достатком, знатной родней, изысканной любовницей, пускается в какие-то прожектерские планы, которые из года в год приписываются русскому человеку с легкой руки тургеневского Рудина» (Книга и профсоюз. 1928. № 5/6. С. 28).

лошина к Заяицким в их квартиру в Малом Знаменском переулке.¹⁸ Еще один раз Волошин побывал у Заяицких 17 марта 1927 г.¹⁹ По-видимому, в ходе московских встреч с Заяицким Волошин, распознав в нем во многом родственную себе натуру, пригласил его пожить летом в Коктебеле. Эта тема послужила поводом для начала дружеской переписки, которая на сегодняшний день представлена только письмами Заяицкого. Письма Волошина к Заяицкому не выявлены, остается неизвестной и судьба основной части архива Заяицкого, в котором они должны были отложиться.

В гостях у Волошина Заяицкий с сыновьями прожил более трех месяцев — с 8 июня до середины сентября 1927 г. В дневниковой записи от 26 мая 1930 г., сделанной под впечатлением от известия о безвременной смерти Заяицкого, Волошин вспоминал: «С<ергей> С<ергеевич> все лето пролежал на террасе своего домика. Принимал участие в коктебельских спектаклях, именинах. Написал текст для кукольного действия. Несколько раз пел франц<узские> романсы. <...> В нем было громадное терпение, выдержанность, тонкость».²⁰ 17 августа 1927 г., в ходе празднования именин Волошина, был представлен кукольный «Спектакль-лекция о погоде, природе и человеческой породе»: куклы, изображавшие различных насельников коктебельского дома, поочередно исполняли куплеты, написанные в значительной части (а возможно, и целиком) Заяицким.²¹

Лето, проведенное Заяицким в Коктебеле в 1927 г. и ощущаемое как драгоценный жизненный опыт в его последующих письмах к Волошину, повторить не удалось, несмотря на горячее стремление писателя вновь окунуться в живительную

¹⁸ Купченко Владимир. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917—1932. СПб.; Симферополь, 2007. С. 334. Далее это издание указывается сокращенно: Труды и дни.

¹⁹ Там же. С. 338.

²⁰ Волошин Максимилиан. Собр. соч. Т. 7, кн. 1. М., 2006. С. 356.

²¹ См.: Труды и дни. С. 356. Пребывание Заяицкого в Коктебеле впервые описано в газетном очерке В. П. Купченко «Робин Гуд из Москвы» (Путь Ильича (Судак). 1984, 8 марта. Подпись: Р. Павлова).

атмосферу «киммерийских Афин». В сентябре 1929 г. Заяицкий оказался в Коктебеле мимолетно — провел там день или несколько дней, а весной 1930 г., прибыв 31 марта в Феодосию, до Коктебеля так и не добрался. Легкая простуда стимулировала развитие болезни, от которой писателю не суждено было оправиться — он скончался 19 мая. В тот же день Волошин в Коктебеле получил записку от О. Н. Сербиновой: «Дорогие Макс и Маруся. Сегодня в 5 час. утра скончался Сергей Сергеевич Заяицкий. Дала знать в Москву, Елизавете Ивановне. Липа». ²² Подробности происшедшего Волошин зафиксировал со слов М. С. Волошиной, побывавшей в Феодосии на похоронах, в записи от 26 мая 1930 г.: «Он простудился на Айвазовских торжествах. Очень страдал. Но он был ведь безумно терпелив и выдержан. У него скопилось много гноя из фистулы. Она заливала его внутрь. У него было самоотравление <...>. Он был в полном сознании и совсем не думал, что умирает». ²³

В некрологе «Памяти С. Заяицкого», напечатанном в «Литературной газете», говорилось: «Он нес в себе поучительную волю к жизни, любовь к ней. В его взгляде на бытие светился тонкий, глубокий юмор, пленяющий нас в каждом его произведении <...> он был общителен, умел быть блестящим собеседником, отличным товарищем. Но тяжкая болезнь — костный туберкулез вывел его из строя широкой общественной жизни». ²⁴ Под некрологом стоят 14 подписей: Леонид Леонов, Б. Пастернак, В. Вересаев, К. Липскеров, Ив. Новиков, В. Владимиров, Н. Венкстерн, А. Тихонов, В. Кириллов, Лев Остроумов, А. Эфрос, С. Шервинский, Л. Гроссман, Б. Ярхо. Около половины из них — соседи Волошина по Коктебелю, как Вересаев, или обитатели волошинского коктебельского становища.

²² ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 1101. Упомянута жена Заяицкого, которая в тот же год приезжала в Коктебель вместе с сыновьями (с 16 июня до 30 августа; см.: Труды и дни. С. 460, 467).

²³ *Волошин Максимилиан*. Собр. соч. Т. 7, кн. 1. С. 355.

²⁴ Литературная газета. 1930. № 21 (58), 26 мая. С. 3.

Письма С. С. Заяицкого к М. А. Волошину печатаются по автографам, хранящимся в фонде Волошина в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии Наук (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 556).

1

Москва 15 мая 1927 г.

Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович!

Хотя мне и трудно строить планы (вернее, их осуществлять) даже на недалекое будущее, однако я бы очень хотел воспользоваться Вашим любезным приглашением и тронуться в Коктебель в самом конце мая или в начале июня.¹ Не нарушит ли мой приезд (с семьей) в этот срок каких-либо Ваших планов: ведь Вам, вероятно, приходится так или иначе регулировать поток летних гостей? Я бы не хотел ни в коей мере стеснить Вас. Еще смущают меня очень слухи о том, что здоровье Ваше все еще не налаживается после столичных лечений.² Впрочем, наверное, коктебельский воздух сделает свое дело, и Вы быстро восстановите свои силы. Я тоже возлагаю на этот воздух большие надежды, ибо в Москве мое здоровье не сдвигается с мертвой точки.³

Крепко жму Вашу руку.

Уважающий Вас С. Заяицкий.

Москва, Знаменка, М. Знаменский 7, кв. 30.

¹ Предложение приехать летом в Коктебель Волошин сделал, вероятно, в ходе общения с Заяицким в Москве в феврале—марте 1927 г.

² В Москве Волошин проходил курс лечения от астмы, назначенный ему В. Д. Шервинским, директором Государственного института эндокринологии.

³ Постоянные недомогания Заяицкого объяснялись его основным заболеванием — хроническим туберкулезом.

24/V <19>27 г.

Глубокоуважаемый Максимилиан Александрович!

Спасибо Вам еще раз и за приглашение и за комнату.¹ Отъезд мой из Москвы может задержаться лишь на несколько дней (из-за разных издательских дел), однако числа 6-ого или 7-го июня хочу выехать непременно. Конечно, я Вас немедленно извещу, если что-либо расстроит мои планы, но надеюсь, что этого не случится. О дне приезда я точно извещу. Мечтаю о море и о солнце.²

Что касается «Баклажан», то они сейчас уже печатаются А. Н. Тихоновым в «Круге» и, может быть, мне даже удастся привезти Вам книжку, если не задержится ее выпуск.³

До скорого свидания.

Преданный Вам С. Заяицкий.

¹ Приглашение в Коктебель содержало неизвестное нам письмо Волошина, отправленное Заяицкому 20 мая 1927 г. (Труды и дни. С. 344). 22 мая 1927 г. Л. Е. Остроумов сообщал Волошину: «Заяицкие собираются к тебе в начале июня» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 917).

² Приезд в Коктебель Заяицкого с сыновьями Сережей (Сергей Сергеевич, 1918—1986; впоследствии капитан дальнего плавания) и Мишей (Михаил Сергеевич, 1920—1945; погиб на войне) отмечен в Домовой книге Волошиных 8 июня 1927 г. (Труды и дни. С. 346).

³ Дарительная надпись Волошину Заяицкого на его книге «Баклажаны» (М.: Круг, 1927) датирована 6 июня 1927 г. Александр Николаевич Тихонов (псевдоним — А. Серебров, Н. Серебров; 1880—1956) — прозаик, публицист, литературно-издательский деятель; редактор издательства артели русских писателей «Круг» в Москве.

Москва 27/IX 1927 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Максимилиан Александрович!

Очень обеспокоило нас известие о новых толчках, которые произошли в день нашего отъезда.¹ Говорят, что один толчок был как раз в то время, когда мы ехали на линейке, и мы его, конечно, не почувствовали. Как Ваша дача? Живо представляем себе и переживаем вместе с Вами Вашу тревогу, тем более, что сейчас Вы, вероятно, остались совсем или почти совсем одни. Один толчок мы сами ощутили ночью во время стоянки в Джанкое. Какое нелепое и печальное осложнение жизни! Я не написал Вам тотчас по приезде, ибо хотел выяснить вопрос с Кисловодском.² К сожалению, санаторий ЦКУ-БУ в Кисловодске действует только *до 25 октября*. Вряд ли Вам имеет смысл ехать туда на столь короткий срок. Если Вам понадобятся еще какие-нибудь справки, напишите. Я, так же как и все Ваши московские друзья, готовы напрячь все силы, чтоб как-нибудь помочь Вам в этой неожиданной беде и по возможности успокоить и поддержать Вас. Пожалуйста, доставьте нам это удовольствие.

Погода в Москве стоит вполне приличная. Первые два дня нашего пребывания здесь были жарки совсем по-летнему. Сейчас идет дождь, но довольно тепло. После Коктебеля поражает густота и цвет зелени (даже в Москве). Но мы с грустью вспоминаем полынь и дерезу. Теперь, когда всё неприятное сгладилось, лето представляется таким прекрасным!

Видели мы в Москве Габричевских, Петровских, Жинкина.³ Шервинских⁴ до сих пор еще не видали. Сережа все обещает зайти и не может, так как страшно занят.

Доехали мы вполне хорошо, хотя в жестком вагоне, но имели тюфяки. День провели в Феодосии (сняв номер в Астории). Город мне очень понравился, но такой уютный сам по себе и он теперь стал неуютен. На улицах разговор только о толчках.

В колею московской жизни я еще не совсем вошел, сижу дома, но в общем чувствую себя не плохо. Когда обживусь, напишу подробно. Лиза⁵ просит передать Вам и Марии Степановне⁶ свой сердечнейший привет. Дети всё поют: «папа, мама, не гундосьте, мы поедem к Максy в гости!» Всего хорошего вам обоим.

Преданный Вам и любящий Вас

С. Заяицкий.

¹ Крымское землетрясение (силой в 4—8 баллов, с эпицентром близ Ялты) началось в ночь с 10 на 11 сентября 1927 г., подземные толчки продолжались в последующие дни. В доме Волошина образовалась трещина.

² Имеется в виду предписанное Волошину лечение в Кисловодске в санатории ЦЕКУБУ (Центральной Комиссии по улучшению быта ученых). Волошин прошел курс лечения в Кисловодске в 1928 г. (26 января — 17 марта).

³ Александр Георгиевич Габричевский (1891—1968), искусствовед, переводчик, историк литературы (см.: Александр Георгиевич Габричевский. 1891—1968. К 100-летию со дня рождения. М., 1992), и его жена Наталья Алексеевна Габричевская (урожд. Северцова; 1901—1970), артистка, художница; Федор Александрович Петровский (1890—1978), филолог-классик и поэт-переводчик, и его сестра Елена Александровна Петровская (1900—1996); Николай Иванович Жинкин (1893—1976), философ, психолог; член Гос. Академии Художественных Наук. Все они гостили у Волошина в Коктебеле.

⁴ Поэт, прозаик, переводчик и литературовед Сергей Васильевич Шервинский (1892—1991) и его жена Мария Сергеевна Шервинская (урожд. Соловьева, во втором браке Протасьева; 1899—1973).

⁵ Жена Заяицкого — Елизавета Ивановна Заяицкая (урожд. Поливанова; 1895—1967).

⁶ Вторая жена Волошина — Мария Степановна Волошина (урожд. Заболоцкая; 1887—1976). См.: Мария Степановна Волошина. О Максe, о Коктебеле, о себе: Воспоминания. Письма / Составление, подготовка текста и примечания Владимира Купченко. Феодосия; М., 2003.

Москва 28/ХІІ 1927 г.

С Новым Годом, дорогие Максимилиан Александрович и Мария Степановна! Лиза и я шлем вам обоим самые сердечные пожелания и поздравления.

Давно не писал Вам, ибо все думал, что Вам удастся уехать из Коктебеля в Кисловодск или в Харьков. Теперь Лёвушка Остроумов сообщил мне, что Вы пока остаетесь у себя в силу всех этих проклятых денежных дел.¹ А между тем, получив Вашу открытку, я живо представил себе всю суровость жизни сейчас в Коктебеле и очень надеялся, что вы отдохнете где-нибудь на «твердой земле», хотя бы временно расставшись с вашим «кораблем». Как всё это неприятно! Плохим утешением может служить для Вас только то, что и наша московская жизнь отнюдь не вызывает желания скакать от восторга на одной ножке. Мы с Лизой живем очень мирно, почти все время сидим дома и редко кого видим. Да и все стали какие-то раздраженные, озабоченные и грустные.

Однако собираемся у Габричевских встречать новый год. Они в этом году после летних коллизий тоже как-то устарились. Саша философствует в Академии² и читает лекции. Наташа³ по-видимому очень увлечена студией.

Большим для нас событием явилась смерть Анны Михайловны Шервинской.⁴ Последнее время она очень страдала от страшного шума в голове на почве склероза и нервничала, так что Сереже⁵ приходилось ночевать у нее в спальне и не спать иногда всю ночь. Он ужасно извелся, стал еще худее и бледнее, но все перенес бодро. Вообще за это время он мне стал как-то еще милее и ближе, чем был всегда. Василий Дмитриевич перенес смерть Анны Мих<айловны> тоже бодро, хотя при его огромной выдержке не узнаешь, что он чувствует и думает на самом деле. Вернее всего, что он очень потрясен и подавлен. Прекрасное к нему отношение проявили дети и внук его (которого он очень любит) Вася. Они все время

находятся при нем и не дают ему ощутить со всею остротою одиночества.

Видаем мы изредка Сорокиных, Петровских, Стрелкова, Стазю и Грифцова.⁶ Остальные коктейльщицы как-то рассеялись в мировом пространстве. Сегодня звонила по телефону Гуна⁷ (она едет в Петербург). Что касается литературных новостей, то они бедны. Я работаю над романом,⁸ и мне удалось найти издателя, дающего мне под него некоторые авансы. Иначе я бы не мог его писать. Должна в январе появиться моя книга «Жизнеописание Лососинова»,⁹ пришлю ее Вам непременно.

Удается ли Вам работать в той обстановке, в которой Вы сейчас живете? Что Вы писали за последнее время? Лёва читал мне «Четверть века».¹⁰ Конец произвел на меня весьма сильное впечатление. Но почему-то с этим концом начало представляется мне несколько растянутым (чего я не ощущал при Вашем чтении, т. е. когда конца еще не было). Отнюдь не настаивая на своем мнении, я позволю себе высказать мысль, что между концом и началом есть какое-то формальное несоответствие: неравносильный напор на читателя. Конец перевешивает. Интересно, как воспримут это другие. Я критик плохой и выражаю лишь свое непосредственное чувство.

Целую Вас и крепко жму Вашу руку. Милой Марии Степановне поклон.

Преданный Вам С. Заяицкий.

¹ Лев Евгеньевич Остроумов (1892—1955) — прозаик, поэт, переводчик; член Гос. Академии Художественных Наук. Как переводчик работал в содружестве с Заяицким (см.: *Дюпон П. Избранные песни* / Пер. С. С. Заяицкого и Л. Остроумова. Под ред. и со вступ. статьей В. М. Фриче. М., 1923; *Революционная поэзия на Западе* / Пер. С. С. Заяицкого и Л. Е. Остроумова. Под ред. и со вступ. статьей Л. П. Гроссмана. М., 1927). В письме к Остроумову от 19 декабря 1927 г. Волошин сообщал, что намеченная им поездка на лечение в Кисловодск откладывается из-за недостатка средств (РГАЛИ, ф. 1369, оп. 2, ед. хр. 1).

² Имеется в виду Гос. Академия Художественных Наук. С 1923 г. Габричевский возглавлял там секцию пространственных искусств, в 1924 г. был из-

бран заместителем председателя философского отделения ГАХН (председатель — Г. Г. Шпет).

³ Н. А. Габричевская.

⁴ А. М. Шервинская (урожд. Алексеева; 1853—1927) — жена В. Д. Шервинского и мать С. В. Шервинского.

⁵ С. В. Шервинский.

⁶ См. примеч. 3 к п. 3. Сорокин — Тихон Иванович (1879—1959), искусствовед, и его жена Екатерина Отговна (урожд. Шмидт; 1889—1977), переводчица, первая жена И. Г. Эренбурга. Александр Семенович Стрелков (1896—1937) — искусствовед, востоковед. Борис Александрович Грифцов (1885—1950) — критик, переводчик, литературовед, искусствовед. Все они летом 1927 г. жили в Коктебеле. Стазя — неустановленное лицо.

⁷ Коктебельское прозвище харьковчанки Ксении Павловны Девлет-Матвеевой (ок. 1896—1976), преподавателя иностранных языков.

⁸ Какое именно произведение в данном случае подразумевается, неясно. В некрологе Заяицкому упомянуты два его романа — «Испытание сердец» и «Детство Самарова», которые «только что приготовлены были покойным к печати» (Литературная газета. 1930. № 21 (58), 26 мая. С. 3). Эти произведения в свет не вышли. В небольшом личном архивном фонде С. С. Заяицкого (ИМЛИ, ф. 352, 15 ед. хр.) они не содержатся.

⁹ Роман «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова. Трагикомическое сочинение» (М.; Л.: ГИЗ, 1928). Экземпляр для Волошина Заяицкий надписал 29 марта 1928 г. — «с пожеланием здоровья, счастья и удачи во всех начинаниях» (Труды и дни. С. 380).

¹⁰ Поэма Волошина «Четверть века (1900—1925)» (16 декабря 1927 г.). См.: *Волошин Максимилиан. Собр. соч. Т. 2. М., 2004. С. 83—87.*

5

<4 января 1928 г. Москва>¹

Дорогой Максимилиан Александрович,

Вы, вероятно, уже получили мое письмо, где мы поздравляли Вас и милую Марию Степановну с Новым годом! Сейчас получил Вашу акварель и был страшно тронут.² Спасибо Вам за память. С удовольствием увидели милые коктебельские контуры и краски. Новый год встретили мы у Габричевских довольно весело. Пили за вас обоих и за Коктебель. Не думайте, что друзья Ваши перестали заботиться о Вас, но прихо-

дится преодолевать необыкновенно много трудностей. Несомненно всё так или иначе устроится, но беда, что происходят вечные задержки! Лёвущка должен написать Вам обо всем подробно.³

Преданные Вам Е. и С. Заяицкие.

¹ Открытка. Датируется по почтовому штемпелю отправления.

² Волошин отправил свою акварель Заяицким 29 декабря 1927 г. (Труды и дни. С. 372).

³ Л. Е. Остроумов.

6

Москва 7/IV 1928 г.

Дорогой Максимилиан Александрович!

Поздравляем Вас и милую Марию Степановну с наступающим Светлым Праздником! Христос Воскресе!¹ Счастлив за Вас, что Вы снова в родном Коктебеле и благополучно выбрались из Кавказо-Финляндии.² Я очень виноват перед Вами, что так давно не писал Вам, но я всё это время находился в состоянии какой-то психической апатии и не был способен не только писать, но и думать о чем бы то ни было. Причиной тому послужило мое крайнее утомление, а также ряд деловых разочарований, которые повлекли за собою скучные, но всегда ощутительные финансовые крахи. Здоровье мое стало лучше (что касается основной болезни), но зато у меня обнаружилось переутомление сердца, я страшно задыхаюсь при ходьбе и совершенно не могу пить. Впрочем, эта зима прошла очень вяло в смысле каких-либо собраний. Мы мало кого видим. У всех неприятности и кислое настроение.

Что касается до Вашего милого приглашения,³ то, увы!... По целому ряду причин нам, очевидно, придется первую часть лета провести где-нибудь поблизости от Москвы. Но мы мечтаем приехать к Вам (если разрешите) в конце июля на август и сентябрь. Мечтаем на это время подбросить детей ба-

бушкам, чтобы Лизе по-настоящему отдохнуть. Если случайно дела повернутся иначе, то я Вам напишу, но это выяснится в ближайшее время (в течение 2-х недель). Во всяком случае не позднее 25 апреля я извещу Вас точно о своих планах, дабы никак не стеснять Вас с планировкой гостей. Если бы удалось нам опять всем приехать на все лето, то мы бы приехали около 1-ого июня. Повторяю, напишу Вам в ближайшие 2 недели. Может быть, денежное положение будет таково, что и никуда ехать не придется!

Но в общем мы не унываем, шлем обоим Вам сердечный привет, целуем крепко Вас и желаем счастливых праздников.

Любящий Вас и преданный Вам

С. Заяицкий.

¹ Пасха в 1928 г. — 2/15 апреля.

² Почему Заяицкий определяет такой формулировкой пребывание Волошина и М. С. Волошиной в Кисловодске в январе — марте 1928 г., неясно; возможно, в данном случае — отклик на неизвестное нам письмо Волошина к Заяицким от 3 апреля 1928 г. (Труды и дни. С. 381).

³ Упомянутое письмо Волошина, безусловно, содержало приглашение приехать наступающим летом в Коктебель.

30/V <19>28 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Максимилиан Александрович!

Поздравляю Вас со днем Вашего рождения,¹ а Марию Степановну с дорогим новорожденным. Крайне сожалею, что не могу сделать этого лично, но обстоятельства мои в этом году таковы, что далеко уезжать я не могу. Лето мы проведем у Поленовых в Тарусе. Поэтому не оставляйте (увы!) за нами нашу милую комнату с двойным потолком (как говорил мой сын Миша). Лиза и дети Вам шлют привет и поздравления. Мо-

жет быть, нам удастся приехать в сентябре, но это так проблематично, что не хочется даже об этом пока думать. Грустно, ибо за одно лето мы уже сроднились с Коктебелем. Желаю Вам здоровья на многие годы. Мой сердечный привет милой Марии Степановне.

Преданный Вам

С. Заяицкий.

Р. S. Мой адрес: Таруса, Калужской губ., музей В. Д. Поленова.²

¹ 28 мая (н. ст.) 1928 г. Волошину исполнился 51 год.

² Музей-усадьба Василия Дмитриевича Поленова (1844—1927) в Тарусе был основан самим художником в 1892 г., первым его директором стал сын художника Дмитрий Васильевич Поленов (1886—1967) — биолог, профессор Московского университета. Ближайшее отношение к музею имели также дочери В. Д. Поленова — Екатерина Васильевна Поленова (в замужестве Сахарова; 1887—1980) и Наталья Васильевна Поленова (1898—1964).

8

12/VIII <1928>. Бёхово.¹

Глубокоуважаемый и дорогой Максимилиан Александрович!

Приветствуем Вас и поздравляем,² и Вас и милую Марию Степановну. Живо представляю себе ясное коктебельское небо, «ограду тamarисков»,³ умудренный веками Карадаг и милое море, поздравительно шумящее у Ваших ног.

До последнего времени мы с Лизой надеялись увидеть всё это воочию, но финансовый крах принуждает меня уже через неделю ехать в Москву и заниматься укрощением намеревающегося меня забодать золотого тельца. Не описываю Вам подробно своих злоключений, ибо это не предмет для веселого праздничного дня.

Вижу, как уселись все за столами, украшенными виноградом... На фоне синего моря выделяется желтая с черным или

красная с голубым фигура Сёмочки.⁴ Пахнет полынью. Все взволнованы предстоящим (несомненно) вечером сюрпризом... Вижу Олимпиаду Никитишну⁵ в зеленом платке, папирсой дирижирующую церемонией. Как звонко прозвучит в этот день рельса!⁶ Увы, я не знаю точно, кто из знакомых мне коктебельцев окружает Вас сейчас, и это значительно стесняет мою фантазию. Но кто бы ни был, я чувствую себя среди них и настолько реально, что прошу Олимпиаду Никитишну выписать мне на один день полную порцию. Место для моего астрального тела⁷ наверное найдется. Я переночую в мужикее,⁸ а то на вышке,⁹ и утром улечу обратно навстречу Норд-осту, поцеловав по дороге Седло-гору и Узун-сырт.¹⁰

Целую Вас и приветствую еще раз Марию Степановну и всех друзей. Лиза делает то же самое.

Любящий Вас и преданный Вам

С. Заяицкий.

¹ Селение близ Тарусы.

² Поздравление с именинами Волошина (4/17 августа).

³ Образ из стихотворения Волошина «Дом поэта» (1926): «Земля <...> у дома вырастила мне // Скупой посев айлантов и акаций // В ограде тамарисков» (Волошин Максимилиан. Собр. соч. Т. 2. М., 2004. С. 78).

⁴ Коктебельское прозвище А. С. Стрелкова.

⁵ О. Н. Сербинова (урожд. Ермакова; 1879—1955), феоdosийка. Участвовала в праздновании именин Волошина в Коктебеле в 1928 г.

⁶ Ударами по рельсу созывались обитатели волошинского дома для участия в общих церемониях.

⁷ Шуточное использование теософско-антропософской терминологии (астральное тело отражает сферу страстей, желаний и волнений человека).

⁸ Так называли мужскую половину в доме Волошина (по шуточной аналогии с гинекеем — женским отделением в древнегреческом доме).

⁹ Площадка над крышей волошинского дома.

¹⁰ Горное плато (в переводе с тюркского «длинная спина»), тянущееся на северо-запад от Коктебеля.

5/Д <19>29 г.¹

С новым годом!

Милые Мария Степановна и Максимилиан Александрович!

Были мы и тронуты и восхищены Вашими, Максимилиан Александрович, прекрасными акварелями.² Спасибо, что вспомнили о нас и так порадовали! А мы обретаемся в большой мрачности, ибо сын мой Сережа лежит уже третью неделю в больнице по случаю скарлатины, а я уже целый месяц лежу с повышенно<й> t° и очень себя плохо чувствую. Елизавета Ивановна, конечно, с ног сбилась, да и настроение у нее (как и у меня) Вы можете себе представить какое. Так печально кончился для нас один год и начался другой. Правда, Сережа чувствует себя не плохо, но от беспокойств не отделаешься. Конечно, остаются в силе и всякие материальные невзгоды. И вот в этой всей мрачной атмосфере такими неожиданными и отрадными явились Ваши рисунки. Спасибо Вам! Лиза шлет Вам привет и Миша также. Напишу Вам, когда немножко наладится наша жизнь.

Всегда Ваш С. Заяицкий.

¹ Открытка; отправлена из Москвы 7 января 1929 г.

² 1 января 1929 г. Волошин отправил Заяицким письмо с двумя акварелями (Труды и дни. С. 411).

<Около 5 мая 1929 г.>¹

Христос Воскресе!

Дорогие Максимилиан Александрович и Мария Степановна!

Поздравляем Вас с праздником и надеемся, что зимние злоключения Ваши кончились вместе с весной.² Не думайте,

что мы забыли Вас, Ваш дом и милый Коктебель. Но как писать, когда нельзя ничего почти сообщить, кроме неприятностей. Зима и для нас выдалась невеселая. И я был болен, и сын, и денег по обыкновению не было, и все друзья кисли от разных невзгод. Сейчас радуется хотя бы тепло.

Самочувствие мое улучшилось с наступлением хорошей погоды, Лиза и дети тоже здоровы, но летние перспективы наши туманны всё из-за тех же проклятых денег. Приходится их вытягивать клещами, а для этого нужно сидеть близко от их дателей. Заручиться ими месяца на два, на три не вижу пока способов. Жаждали бы посетить Вас, если это возможно, если и этим летом Коктебель и дом Ваш доступен будет для ваших друзей. Может быть, удастся нам устроить детей под Москвой с дедушкой и бабушкой, и тогда мы с Лизой приедем к Вам, если, конечно, не нарушим Ваших планов. Иногда чувствуем острую тоску по всему, к чему привыкли так за одно только лето. Напишите, как Ваши дела теперь, уладились ли все неприятности. Обо многом поговорим при свидании (если таковое состоится). Сейчас боюсь я строить планы. У Лёвушки³ в этом году тоже немало было всяких историй. Большой нужно иметь запас бодрости, чтобы всё выносить хотя бы спокойно.

О Вас я знаю всё подробно от наших общих друзей. Желаю Вам обоим бодрости и здоровья. Лиза Вас поздравляет и шлет Вам привет, равно как и дети. Целую Вас крепко и мечтаю сделать это на самом деле у ограды тамарисков.

Всегда Ваш С. Заяицкий.

¹ Датируется по дню Пасхи в 1929 г. (22 апреля / 5 мая).

² Подразумевается судебная тяжба, в которую был вовлечен Волошин зимой 1928—1929 г.: местные пастухи подали иск против него на взыскание штрафа за то, что волошинские собаки якобы покусали стадо овец (см.: *Купченко Владимир*. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб., 1996. С. 446—453).

³ Л. Е. Остроумов.

19/VI <1929>.¹

Дорогой Максимилиан Александрович!

Поздравляю Вас со днем Вашего рождения,² а милую Марию Степановну с дорогим новорожденным. Желаю Вам счастья, здоровья, веселья. Обстоятельства опять мешают мне провести у Вас лето, но я страстно (и, кажется, довольно конкретно) мечтаю о приезде к Вам на сентябрь и часть октября.³

В Москве стало жарко и душно.

Целую Вас и всех друзей.

Любящий Вас и преданный Вам

С. Заяицкий.

¹ Открытка. Почтовый штемпель отправления: Москва 24 VI 1929.

² 28 мая 1929 г. Волошину исполнилось 52 года.

³ Заяицкий приехал в Коктебель (видимо, на непродолжительное время) в сентябре 1929 г. Ср. относящуюся к этому времени дневниковую запись И. М. Басалаева: «С нами сидит опрятный, корректный С. С. Заяицкий, в сером пиджаке и темном галстуке. Москвич. Прозаик. Проездом» (Минувшее. Исторический альманах. Вып. 19. М.; СПб., 1996. С. 410. Публикация Е. М. Царенковой).